

Лимонова Мария Александровна

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры теоретической
и специальной социологии
Института социально-гуманитарного
образования Московского педагогического
государственного университета

Синяев Максим Викторович

кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры теоретической
и специальной социологии
Института социально-гуманитарного
образования Московского педагогического
государственного университета

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ РИСКИ ДЛЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В РФ

Аннотация:

Статья посвящена актуальным проблемам становления в Российской Федерации социального государства, форма которого, по утверждению авторов, является результатом долгой исторической эволюции института государства, его адаптации к изменениям социальных отношений в индустриальном обществе. Объясняется, что социальное государство возникло в ответ на необходимость парировать социальные риски, в значительной мере отсутствующие в аграрном обществе. Любое общество способно быть системой, проходящей определенные этапы в своем развитии и взаимодействующей со средой. В ходе этого развития социум регулярно оказывается в ситуациях риска и нестабильности. Риск – имманентное свойство сложного и динамичного общества. Сделаны последовательные выводы о том, что существующая в России модель социального государства формировалась под сильным влиянием рентной экономики. Ее наметившийся кризис требует перехода страны на инновационные траектории развития, который в действительности еще не произошел по ряду причин. Одна из них – кризис отечественной системы образования, неспособной органично взаимодействовать с рентной экономикой. Предпринятые в течение последнего десятилетия решения, направленные на сокращение количества бюджетных мест в вузах, способны вызвать не только экономические проблемы, но и целую группу социальных рисков. Последние могут блокировать развитие социального государства в нашей стране в ближайшие десять лет.

Ключевые слова:

социальное государство, социальные институты, социальные риски, система образования, социальные трансформации, рентная экономика, мировой рынок, кризис.

Limonova Mariya Aleksandrovna

D.Phil. in History, Professor,
Theoretical and Special Sociology
Department, Institute of Social
Education and Humanities,
Moscow State University of Education

Sinyaev Maksim Viktorovich

PhD in Political Science,
Associate Professor, Theoretical
and Special Sociology
Department, Institute of Social
Education and Humanities,
Moscow State University of Education

THE TRANSFORMATION OF THE HIGHER EDUCATION SYSTEM AND FUTURE RISKS FOR THE WELFARE STATE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Summary:

The study discusses the welfare state development in the Russian Federation. The type of the welfare state depends on the long historical evolution of the state as an institution, its adaptation to changes in social relations in the industrial society. The welfare state was founded because of the need to fend off new social risks that did not exist in the agrarian society. Any society is capable of being a system that passes through certain stages of its development and interacts with the environment. While developing, society regularly finds itself in risky and unstable situations. Risk is an immanent feature of a complex and dynamic society. In the authors' opinion, the Russian model of the welfare state was strongly affected by the rental economy. A nascent crisis of the rental economy is demanding the country's transition to innovative ways of development. However, the transition has not still been the reality because of many reasons. They include the crisis of the domestic education system incapable of proper interacting with the rental economy. The decisions to reduce state-financed university admissions which have been taken over the past ten years can generate both economic problems and societal risks. These risks can block the development of the welfare state in the Russian Federation for the next decade.

Keywords:

welfare state, social institutions, social risks, education system, social transformation, rental economy, world market, crisis.

Становление социального государства – это длительный и противоречивый процесс. О социальном государстве как фрагменте эмпирически наблюдаемой социальной действительности можно вести речь при условии, если общество преодолееет соответствующие стадии развития.

Понятие «социальное государство» включает в себя прежде всего определенный этап в развитии такого социально-политического института, как государство. Оно возникло не вследствие статистических флуктуаций социальных процессов, а в ответ на кризисные явления извне и внутри социума, которые не удавалось парировать при помощи имеющихся структур потестарной власти. Государство, независимо от множества точек зрения в отношении него, остается надстройкой над технологическим или экономическим базисом, определяющим особенности социальной стратификации, доминирующий тип поселенческой структуры, специфику функционирования социальных институтов, образовательный уровень, типичные наборы моделей поведения, специфику культуры. Если в основе общества наблюдаются процессы, порождающие один тип рисков и угроз, то такой ответ на эти риски и угрозы, как социальное государство, может быть успешным. Если в глубинах социума порождаются другие риски и угрозы, то такой ответ, как социальное государство, может быть преждевременным и неадекватным.

Сложившаяся в настоящее время форма социального государства ранее была формой ответа, связанной с кризисными явлениями в развитии индустриального общества [1]. Социальное государство не могло появиться раньше, так как не возникало кризисов и рисков, порожденных индустриальной фазой развития. В рамках традиционного аграрного общества население чаще занималось сельскохозяйственным трудом на изолированных друг от друга участках земли. Не случайно угрозы их существованию в основном носили природный характер, когда внезапные заморозки или жестокая засуха могли уничтожить весь урожай. В качестве угрозы выступали и внешние вторжения. Однако влияние одних социальных слоев на жизнь других было сравнительно невелико.

Иная ситуация складывается в период становления индустриального общества, когда значительная часть населения вытеснена из деревни в город и работает на промышленных предприятиях. При этом картина возможных рисков, угроз и конфликтов кардинально меняется. Природные факторы не оказывают на них заметного влияния. Все больше проявляется зависимость или взаимозависимость от иных социальных групп. Расценки на выполнение определенных видов работ зависят от положения на рынке труда и от эффективности деятельности профсоюзов по защите прав, а перспективы сохранения рабочего места – от успешной конкуренции одного предприятия с другими. Иными словами, до того момента, как общество достигает индустриального уровня развития, социальное государство появиться не могло, поскольку большей части вызовов и рисков, для парирования которых и возникло социальное государство, еще не существовало [2]. Существовавшие вызовы и риски требовали не столько активной социальной политики, сколько централизации, секуляризации и прогресса в аграрных технологиях.

Анализируя феномен социальных или политических рисков, нельзя не обратить внимания на тот факт, что любое общество может быть рассмотрено как система, проходящая в своем развитии определенные этапы и взаимодействующая с внешней средой [3]. Использование системного подхода при анализе вопроса об эволюции общества и социальных институтов, а также рисков и угроз, сопровождающих его в ходе эволюции, предполагает понимание риска как естественного, имманентного для социума состояния. С одной стороны, чем общество сложнее, тем большему количеству рисков оно подвержено. С другой – чем сложнее структура и уровень развития общества, тем больше средств для парирования различных рисков оказывается в его распоряжении.

Под социальным или политическим риском предлагаем понимать реализацию определенных состояний, способных привести к ослаблению и разрушению системы в целом или нанести ущерб ее элементам. Следует отметить, что рискогенность, продуцирование рисков – неотъемлемая черта сложной развивающейся системы. Факт наличия в ней большего числа элементов, чем это необходимо для ее функционирования здесь и сейчас, оставляет нишу образования дополнительных связей и отношений с последующим переструктурированием системы на базе новых принципов. Развиваясь, любая социальная система регулярно попадает в зоны нестабильности, где вероятность ее переструктурирования на новых принципах резко возрастает. Эти зоны у теоретиков вполне обоснованно названы рискогенными. Одна из них – зона трансформации социальных институтов, где созданный для удовлетворения определенных социальных интересов, решения важных для общества проблем социальный институт вступает в зону реформирования.

В контексте темы исследования рассмотрим вопрос о влиянии трансформации отечественной системы высшего образования на становление социального государства и формирование системы социальных рисков. Данная система впоследствии повлияет на создание института социального государства и особенности его функционирования в нашем социуме. В ст. 7 Конституции РФ определено, что Россия является правовым и социальным государством. Однако на первоначальном этапе данное положение, скорее всего, можно сравнить с декларацией о намерениях, направлением, по которому планируется развитие на протяжении следующих десятилетий

после принятия Основного Закона. Это обстоятельство было очевидным в 1993 г., после принятия Конституции, но и в 2019 г. ситуация кардинально не изменилась, что обусловлено происходящими в российском социуме процессами.

Утвердившаяся в нашей стране рентная экономика делает власть и экономическую элиту малозависимыми от взаимоотношений с населением. Значительная часть национального дохода (около 30–35 %), а на фоне влияния экономических мультипликаторов около его половины, создается в недрах экспортно-сырьевого сектора российской экономики, в первую очередь в его топливно-энергетическом сегменте. С учетом технологических особенностей этого сектора он не требует масштабных объемов обученной рабочей силы, а значит, основная масса населения не обладает экономическими рычагами давления на власть и экономическую элиту. Поэтому такая форма борьбы за права, как забастовка, в России начала XXI в. применяется редко и существенно не влияет на социально-экономические процессы. Тем, кто занят в топливно-энергетическом комплексе, имеет смысл платить и без всяких забастовок по причине того, что их сравнительно мало. Открытым остается вопрос о том, какой смысл бастовать группам населения, получающим доходы из рук государства за выполненную деятельность, практическая ценность которой для структур рыночной экономики вызывает противоречивые мысли. Особенности рентной экономики изначально повлияли на становление социального государства в России. Вектор развития социального государства направлен по траектории, в основе которой не экономический расчет и желание обеспечить рост качества трудовых ресурсов, без чего невозможно освоение высоких технологий и создание современной экономики, а, как правило, политические соображения (потребности людей необходимо удовлетворять не для того, чтобы они лучше осваивали сложные виды деятельности, а чтобы не взбунтовались).

На рубеже 1990–2000-х гг. рентная модель сыграла положительную роль, обеспечив централизацию государственной власти и снижение социальных конфликтов между частями общества. Вскоре ее минусы стали перевешивать плюсы. Экспортно ориентированная сырьевая экономика сначала закрывала перспективы для технологического развития страны. Ответ на вопрос о том, зачем что-либо делать самим, если проще и дешевле купить все что угодно за границей, очевиден. Однако у этой экономической модели были и более очевидные минусы. Экспортно ориентированная экономика оказалась чувствительна к запасам сырья, и не столько к их объему, сколько к стоимости извлечения.

В частности, в последние несколько лет в РФ наблюдается спад нефтедобычи, поскольку старые месторождения постепенно истощаются, а новые расположены так далеко и в таких неблагоприятных условиях, что в большинстве случаев их не имеет смысла добывать [4]. Динамика ситуации неблагоприятна. Не случайно ряд экспертов пишут о том, что в 30-х гг. XXI в. Россия будет вынуждена уйти с мирового рынка энергоносителей [5]. Кроме того, существует целый ряд факторов, омрачающих перспективы рентной экономики: желание стран Запада снизить у себя энергопотребление за счет внедрения новых технологий, разработки альтернативных источников энергии и вывоза наиболее энергоемких предприятий за рубеж. Важный фактор – охлаждение отношений России и Запада, что создает набор социетальных рисков. Так, в начале 2019 г. США заморозили счета венесуэльского правительства, практически поставив эту страну с рентной экспортно ориентированной экономикой на грань физического выживания. Становится понятным, что подобная ситуация может повториться не только с Венесуэлой.

По мере исчерпания сырьевого тренда развития отечественной экономики возникнет необходимость создания производящей и по возможности высокотехнологичной экономики, если, конечно, не планировать распад страны на регионы, независимые друг от друга, и переход их под внешнее управление. Задача в той или иной мере осознается всеми: и научным сообществом, и структурами власти, и бизнесом, но до ее реализации далеко. Попытки сменить тип экономической модели, предпринимаемые с 2014 г. в рамках программы импортозамещения, не дали заметного положительного итога. Не стоит думать, что существующую модель можно подкорректировать, приняв несколько постановлений правительства. Речь идет о кардинальной перестройке экономической модели, которая впоследствии изменит и остальные сферы, в первую очередь политическую. Понимание проблемы и осознание ее последствий приводит к фактическому блокированию попыток смены экономической модели правящей элитой (особенно ее средним слоем). Перспективы последней по сохранению позиций в грядущей политико-управленческой структуре не вполне прозрачны.

Возникает ряд сопутствующих базовых проблем, природа которых не до конца осознана массами. Переход к иной экономической модели возможен только в условиях протекционизма, т. е. защиты отечественной промышленности от прямой конкуренции с более развитыми западными и восточными промышленными корпорациями. С Западом в этом аспекте проблемных ситуаций не предвидится, так как им пройдена половина пути нам навстречу (регулярно принимая различные пакеты санкций, Запад показывает, что не заинтересован в сотрудничестве с РФ).

Острота проблемы снимается еще и тем, что значительная часть европейских и американских товаров для России излишне дороги.

Более значимой представляется проблема в отношениях с Китаем, существенно влияющим на рынок потребительских товаров в РФ с 90-х гг. XX в., а позднее и на рынок промышленного оборота. Последние 20–30 лет Китай выстраивал экономику с применением протекционистских мер, но сегодня достигнутый уровень экономического развития позволяет ему не бояться экономической конкуренции. Китай изменил взгляды на природу протекционизма и склонен ратовать за свободную конкуренцию. Ситуация, когда единственный полусоюзник в условиях западных санкций выступает за свободную торговлю, а России для создания промышленности требуется протекционизм, открывает путь к долгим и непростым переговорам с Китаем. Их итогом могут стать политические и территориальные уступки, которые по значимости превзойдут западные санкции.

Не менее важный фактор, препятствующий созданию эффективной производящей индустриальной экономики, лежащей в основе будущего социального государства в РФ, – образовательный уровень населения и работа образовательного комплекса в целом. Отечественная система образования создавалась для удовлетворения потребностей советской экономической системы, базирующейся на индустриальном способе производства, примерно соответствующем четвертому-пятому технологическому укладу. После крушения СССР и трансформации индустриальной экономики в сырьевую диссонанс между реалиями отечественной экономики и действующей образовательной системой нарастал в ускоренном темпе. С экономической точки зрения достаточно быстро встал вопрос об избыточности существующей системы образования. В 90-е гг. XX в. ряд либерально ориентированных политиков, администраторов и исследователей не обошли его вниманием в своих выступлениях.

Между тем экономические расчеты столкнулись с политической целесообразностью. Во-первых, с началом либеральных реформ огромные массы людей утратили практически все накопленные экономические ресурсы и ощутили девальвацию с трудом достигнутого социального статуса. В этой обстановке, кроме обещаний о непременном улучшении ситуации в будущем, людям необходимо было что-то дать взамен. Таким образом, возможность условно беспрепятственного продвижения по социальным лестницам после крушения советского порядка, в том числе получения образования, служила слишком важным идеологическим козырем, чтобы от него можно было легко отказаться. Во-вторых, образование постепенно становилось бизнесом за счет развития коммерческих образовательных программ. В итоге сформировался слой людей, защищающих эту систему не столько из природного альтруизма, сколько ввиду четко осознанного экономического интереса.

В-третьих, проходившие в России в разные периоды выборы осложняли ситуацию тем, что сокращенные преподаватели в ряде случаев, особенно в кризисных провинциальных сегментах территорий, могли создать так называемые ненужные сложности с выполнением социальных обязательств государства. Последнее в условиях острой политической борьбы 90-х гг. XX в. могло спровоцировать конфликты населения и региональных властей. В-четвертых, население искренне считало поступление в вуз возможностью минимизировать контакты с армейской службой, что также расценивалось в пользу власти, выступая очередным этапом отбора. Те, у кого есть возможность потерять место в вузе и отправиться в армию, неоднократно подумают о том, стоит ли им резко менять жизненную траекторию и участвовать в антиправительственных акциях. В-пятых, получение места в общежитии при вузе, как правило, являлось для молодых людей из депрессивной провинции 90-х единственным шансом изменить жизнь к лучшему, учитывая отсутствие денег, чтобы снять жилье в крупном городе. Итак, множество политических и социальных факторов оказывались важнее экономической неэффективности и избыточности отечественной системы высшего образования. Система образования не была реформирована в соответствии с требованиями рыночной экономики, а сохранилась в прежнем виде. Правительство лишь минимизировало расходы на нее, а также утратило интерес к происходящим внутри нее процессам. К тому же позднее, не питая иллюзий о конвертации полученных знаний в социальные позиции и материальные преференции, население стало меньше интересоваться получением высшего образования. Таким образом, снизилась острота вопроса: кто хотел, тот мог учиться за деньги, если они были, либо пытался поступить в вуз, если позволял накопленный уровень знаний.

Ситуация стала меняться по мере укрепления властной вертикали, стабилизации экономического положения, роста мировых цен на нефть и, как следствие, появления дополнительных ресурсов в российском бюджете. Так, с 2005 г. начинается реализация приоритетных национальных проектов, в том числе и в сфере образования, которая сопровождается различными противоречиями в аспектах осуществления тех или иных инициатив власти, определения стратегической цели (например, в отношении получения планируемого результата по окончании реализации национального проекта «Образование») и др. Поскольку деньги выделены, их следует осваивать. Первым шагом стало создание системы учета и контроля, которую изначально опробовали в школе, а через несколько лет начали переносить в вузы.

Причины внедрения этой системы – вне плоскости повышения качества образования. Они сводились к логике, заключенной в следующем тезисе: если невозможно проверить качество образования ввиду того, что выпускники вузов или не идут работать по специальности, или идут, но в крайне малых количествах, то можно проверить набор документов, который преподаватели обязаны будут предоставлять. Мысль логична, но главной целью являлось не повышение качества труда, а принуждение к такому труду, который мог быть подвергнут проверке. Вследствие этой методики качество образования не повысилось, а понизилось. Невольно возник вопрос о том, зачем после заполнения отчетов и сдачи рабочих программ дополнительно расходовать время на обучение, если проверять будут именно отчеты и программы. Ключевая проблема находилась в иной плоскости: примитивная сырьевая экспортно ориентированная экономика не заинтересована в подготовке квалифицированных кадров, так как не понятно, чем они будут заниматься, где работать – в нефтедобыче или сфере услуг. Их можно готовить для западного рынка, но в чем смысл этой деятельности для российского государства? Стабилизация социально-экономической ситуации привела к тому, что после непродолжительного падения интерес к высшему образованию вновь получил широкое распространение среди выпускников российских школ.

Со временем началась трансформация массового сознания. Традиционно со второй половины XX в. образование в массах воспринималось как возможность избежать или облегчить службу в армии, получить временное жилье в крупном городе, определенный социальный статус, сделать карьеру или устроиться на малооплачиваемую, но стабильную и не слишком интенсивную работу, если остальные жизненные стратегии не приведут к желаемым результатам. Но эти тенденции восходили ко второй половине XX в. Однако время идет, и сегодня мы живем в условиях формирования иного отношения к высшему образованию, что, на наш взгляд, способно создать в перспективе массу проблем для становления технологически развитой экономики и социального государства.

В августе 2018 г. ВЦИОМ опубликовал данные очередного опроса, посвященного значимости высшего образования для различных категорий россиян [6]. В опросе не содержится информации, принципиально влияющей, как нам кажется, на восприятие высшего образования широкими слоями российского населения. Однако он показывает динамику изменения массового сознания в России. Так, на вопрос о том, является ли высшее образование важным фактором в построении карьеры и достижении жизненных целей, 63 % опрошенных ответили утвердительно. Десять лет назад аналогичный ответ дали 76 % граждан. При этом среди представителей старшего поколения согласились с предложенным утверждением 73 %, а среди молодежи 18–24 лет – лишь 52 %. В числе причин создавшегося положения – экономические факторы, затрудняющие трудоустройство по специальности.

Действительно, у человека с высшим образованием больше шансов достичь успехов в карьере, чем у тех, кто не имеет такого преимущества. Кроме того, в ходе регулярно и планомерно проводимого правительством РФ сокращения бюджетных мест в вузах, фактического прекращения деятельности большинством коммерческих вузов и резкого повышения цен на коммерческое образование в государственных вузах значительная часть населения не может получить это образование, даже не рассматривает такую возможность. Поэтому различные защитные механизмы психики стараются убедить молодежь в том, что образование – пустая трата времени и что первые шаги в ритейле, сфере услуг рано или поздно приведут их на вершину экономической пирамиды российского общества. Нелепость подобных суждений очевидна, на наш взгляд, даже с позиции минимального жизненного опыта.

В данных Росстата и Минобрнауки четко прослеживается тенденция снижения количества бюджетных мест. Если в 2005–2006 гг. в стране насчитывалось 1 068 высших учебных заведений, где обучались 7 064,6 чел., т. е. 493 человека на 100 000 населения, то в 2015–2016 гг. существовали 896 вузов, в которых обучались 4 766,5 чел., т. е. 325 человек на 100 000 населения [7]. Несмотря на то что в 2019 г. планируется увеличение числа бюджетных мест, оно, по нашему мнению, кардинально не изменит ситуацию, учитывая предыдущий период его десятилетнего сокращения. Проблема обостряется и в связи с тем, что большинство дополнительных мест – это бакалавриат, в магистратуре продолжается сокращение мест. Т. е. очевидно, что вскоре проблемные вопросы появятся и на этой промежуточной ступени образования. Фактически заранее планируется дефицит преподавательских кадров. Целесообразно поставить вопрос: о каком вузе может идти речь, если преподавать некому?

Ограничение доступа к высшему образованию, что практикует российская управленческая элита в последние десять лет, кроме бюджетных плюсов, а также проведение очередной искусственной черты, отделяющей элиту от основной массы населения, несут в себе массу рисков для развития России как государства [8]. Во-первых, неграмотное население неспособно стать субъектом высокотехнологичной экономики. Все попытки ограничить его доступ к образованию возможно было объяснить в логике экономической целесообразности в эпоху расцвета сырьевой экспортно ориентированной экономики, но в современных условиях, когда ее будущее становится прозрачнее, подобного рода стратегия, как нам представляется, губительна.

Во-вторых, Россия не является единой нацией. Ей еще предстоит пройти путь формирования единой гражданской нации, пройденный странами Европы. В настоящее время страна представляет собой конгломерат различных народностей (у большей части из них на фоне традиционной культуры непростая система взаимоотношений с соседями), что может спровоцировать конфликты в будущем. Наблюдающийся процесс периодически осложняется ростом экзальтированной религиозности, соответственно, нельзя исключать развитие религиозного экстремизма и радикализма. Видимо, только та часть населения, которая прошла через систему высшего образования и, следовательно, имеет более сложный, релятивистский взгляд на социальные проблемы, способна рассматривать указанные выше вопросы со стороны, искать общие интересы и формы взаимодействия.

В-третьих, наблюдается тенденция резкого снижения способности культуры адаптироваться к внешним воздействиям. Любые новые идеи, концепции, модели поведения не проходят отбор и не приспосабливаются к условиям существования, а заимствуются или отвергаются ввиду образовательного и культурного уровня основной массы населения, не освоившего базовых интеллектуальных процедур.

В-четвертых, проводится новая демаркационная черта внутри российского социума, углубляется разрыв между образованными и лишенными возможности получить высшее образование слоями населения. Это, с одной стороны, тешит самолюбие российской элиты, подчеркивающей собственную значимость и исключительность, с другой – лишает социальных лифтов большую часть активной, способной к сложным видам деятельности молодежи из необеспеченных слоев населения. Поняв со временем, что большинство социальных лифтов закрыты, молодежь уйдет в явную или неявную оппозицию существующему режиму.

В-пятых, отсутствие возможности поддерживать более или менее эффективную систему социальных институтов, когда происходит резкое торможение их развития (например, институтов социальной реабилитации инвалидов, ресоциализации пенсионеров, программ социального обеспечения и др.), автоматически переводит страну в раздел даже не развивающихся, а стагнирующих стран, будущее которых видится проблематичным.

В-шестых, разрушение системы коммерческих вузов создает множество рисков в области интеграции мигрантов. Их значительная часть способна интегрироваться в российское общество и занять в нем достойные позиции при вхождении в общую систему социокультурных кодов, которые и передаются системой образования. Однако ввиду возраста для большинства мигрантов система среднего образования закрыта. Инструментом их интеграции в российское общество могли бы стать именно коммерческие вузы, если бы большая часть из них не подвергалась закрытию.

Ссылки:

1. Сидорина Т.Ю. Государство всеобщего благосостояния: от утопии к кризису. М., 2013. 356 с.
2. Русаков В.М., Саранчин Ю.К. Социальное государство: кризис или закат? // Современные исследования социальных проблем : электронный научный журнал. 2012. № 11 (19).
3. Попова Е.А. Кризис социального государства: причины и пути выхода [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования : электронный научно-практический журнал. 2012. № 1. URL: <http://human.snauka.ru/2012/01/492> (дата обращения: 04.04.2019).
4. О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2016 и 2017 гг. [Электронный ресурс] : государственный доклад // Министерство природных ресурсов и экологии РФ. 2018. 26 сент. URL: <http://www.mnr.gov.ru/upload/iblock/9bb/Госдоклад%202017.pdf> (дата обращения: 04.04.2019).
5. Гордеев В., Кокорева М. Саудовский принц предсказал «исчезновение» России с мирового рынка нефти [Электронный ресурс] // РБК. 2018. 6 окт. URL: <https://www.rbc.ru/politics/06/10/2018/5bb874519a79470e621edff9> (дата обращения: 04.04.2019).
6. Высшее образование: путь к успеху или лишняя трата времени и денег? [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения. 2018. 1 авг. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9235> (дата обращения: 04.04.2019).
7. Лоскутова И.М. Образовательное пространство в обществе риска: на примере средней общей школы современной России : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2014. 39 с.
8. Там же.

References:

- Gordeev, V & Kokoreva, M 2018, 'Saudi Prince Predicted the 'Disappearance' of Russia from the World Oil Market', *RBK*, October 06, viewed 04 April 2019, <<https://www.rbc.ru/politics/06/10/2018/5bb874519a79470e621edff9>>, (in Russian).
- Loskutova, IM 2014, *Educational Space in the Risk Society: a Case of the Secondary School in Modern Russia*, D.Phil. thesis abstract, Moscow, 39 p., (in Russian).
- Popova, EA 2012, 'The Crisis of the Welfare State: the Causes and Ways Out', *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya: elektronnyy nauchno-praktichesky zhurnal*, no. 1, viewed 04 April 2019, <<http://human.snauka.ru/2012/01/492>>, (in Russian).
- Rusakov, VM & Saranchin, YuK 2012, 'Welfare State: Crisis or Fall', *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem: elektronnyy nauchnyy zhurnal*, no. 11 (19), (in Russian).
- Sidorina, TYu 2013, *Welfare State: from Utopia to Crisis*, Moscow, 356 p., (in Russian).